

ЖАЛОБЫ ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Э. С. ПАИНА

Подача крестьянами жалоб и прошений была одной из форм антикрепостнического протеста в первой половине XIX в. Даже официальный историк Министерства внутренних дел Н. Варадинов включал подачу прошений и жалоб в понятие «волнение»¹.

Уже начиная с 1880-х годов ряд авторов, пользуясь данными Варадинова, обратил внимание на то, что в период подъема крестьянского движения растет и количество крестьянских жалоб и прошений². Однако только в советской историографии крестьянские жалобы стали широко привлекаться в качестве одного из источников по экономической и социальной истории дореформенного крестьянства³.

Н. М. Дружинин давно установил, что подача прошений и жалоб сопутствует крестьянским волнениям первой половины XIX в.⁴ Как главный редактор серии документальных сборников «Крестьянское движение в России XIX в.», он указал в инструкции для составителей и редакторов томов серии на необходимость по возможности полней использовать крестьянские документы в сборниках, чтобы отразить в них такую форму антикрепостнической борьбы, как жалобы и прошения.

Среди историков существует расхождение в оценке самого факта подачи прошений как формы крестьянской борьбы. Одни авторы считают этот акт такой же формой протеста, как, скажем, отказ от барщины или уплаты оброка, исполнения любых повинностей⁵. Другие

¹ Н. Варадинов. История Министерства внутренних дел, ч. II, кн. 1, СПб., 1862, стр. 560; кн. 2, стр. 37; кн. 3, стр. 246—248, 354—356, 497—499, 611—614, 677—681; ч. III, кн. 4, стр. 58, и др.

² В. И. Семевский. Крестьянский вопрос во второй половине XVIII и первой половине XIX в., т. II, СПб., 1888, стр. 572—573; Д. Л. Мордовцев. Накануне воли. Архивные силуэты, СПб., 1890, стр. 307—308; А. Романович-Славатинский. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Киев, 1912, стр. 249, 356—364; И. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения, Л., 1925, стр. 45—58.

³ См. Э. С. Паина. Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в. Обзор публикаций государственных архивов СССР, М., 1963, стр. 4—5. Об этом виде источников см. Л. Б. Генкин. Крестьянские жалобы первой половины XIX в. как исторический источник (по материалам Государственного архива Ярославской области). «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения. Сборник статей к 75-летию Н. М. Дружинина», М., 1961.

⁴ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I, М.—Л., 1946, стр. 110—118.

⁵ Г. М. Дейч. О крестьянском движении в Псковской губернии в дворянский, разnochинский и пролетарский периоды освободительной борьбы в России. «УЗ Псковского пед. ин-та», Псков, 1958, вып. VI, стр. 149—150; А. Дергачев. Крестьянское движение в Пензенской губернии накануне реформы 1861 г., Пенза, 1958, стр. 70; М. Б. Фридман. Отмена крепостного права в Белоруссии, Минск, 1958, стр. 54.

называют подачу прошений пассивной формой борьбы⁶. Мы отдаем предпочтение первым.

Для оценки подачи жалоб или прошений как одной из форм крестьянского протеста необходимо учитывать, в какую инстанцию жалобщики обращались. Закон рассматривал подачу жалоб крепостными на своего помещика как «неповиновение», а принесение крестьянами жалоб царю на помещиков являлось тяжчайшим преступлением⁷ (за исключением случаев «отыскания» крестьянами «свободы»). Заметим также, что и в Грузии с 1807 г. судам не разрешалось принимать от крестьян жалобы на владельцев⁸. Очень важно учесть и то обстоятельство, что крестьянам строго запрещалось «учинить прошение или донос скопом или заговором»⁹. Следовательно, подача коллективных прошений («скопом») крестьянами, по степени ответственности перед законом, приравнивалась к другим видам крестьянских выступлений.

Правительственная политика по отношению к крестьянским жалобам в течение более полустолетнего периода, естественно, менялась. И. И. Игнатович в недавно вышедшей работе подробно изложила политику правительства Александра I по отношению к жалобам крестьян¹⁰.

Последним годом запрета подачи жалоб для помещичьих крестьян следует считать 1858 г., когда министр внутренних дел С. С. Ланской написал смоленскому губернатору, что по смыслу действующих узаконений крестьяне подвергаются взысканию только за несправедливые жалобы на владельцев, а остальные жалобы нельзя считать нарушением спокойствия и повиновения законным властям.

Из сказанного ясно, что нельзя игнорировать такие «детали», как определение инстанции, куда приносилась жалоба, коллективная она или индивидуальная. Между тем мы часто сталкиваемся с таким игнорированием. Так, М. В. Кукушкина пишет: «За пять лет (1856—1860 гг.) в Министерстве внутренних дел сохранились или упоминаются в документах, по нашим подсчетам, 315 жалоб, поданных либо от имени одного лица, либо от целого селения»¹¹. Автор не оговаривает того, что в указанное количество входят сведения о жалобах, адресованных не только в министерство, но и царю, главному начальнику III Отделения, министрам финансов, государственных имуществ и императорского двора, а также губернаторам, управляющим казенных палат, удельных контор или палат государственных имуществ. Этот прием исчисления общего количества жалоб, поданных во все инстанции, по сведениям только центральных учреждений несостоятелен. Еще Д. Л. Мордовцев заметил, что в Министерстве внутренних дел сохранились сведения о 36 случаях жестокого обращения помещиков с крестьянами за целых 18 лет, между тем как только за 7 лет этого же 18-летнего периода в архиве одной из поволжских губерний им

⁶ И. А. Гуржий. Разложение феодально-крепостнической системы в сельском хозяйстве Украины первой половины XIX ст., Киев, 1954 (на укр. яз.), стр. 395; У. Л. Маргулис. Крестьянское движение в Рязанской губ. накануне реформы 1861 г. «УЗ Рязанского пед. ин-та», № 11, Рязань, 1953, стр. 130; Л. Н. Бакусова. Подготовка отмены крепостного права в центрально-черноземных губерниях. Автореф. канд. дисс., М., 1952, стр. 10—11; Е е же. Крестьянское движение накануне реформы 1861 г. в центрально-черноземных губерниях России. «УЗ Псковского пед. ин-та», Псков, 1958, вып. VI, стр. 193.

⁷ Свод законов, т. XIV, СПб., 1832. Устав о предупреждении и пресечении преступлений, ст. 324.

⁸ Ш. Чхетия. К истории крестьянской реформы в Грузии, Тбилиси, 1950, стр. 485; «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», т. III, Тифлис, 1869, стр. 16.

⁹ Устав о предупреждении и пресечении преступлений, ст. 136.

¹⁰ См. И. И. Игнатович. Крестьянское движение в России в первой четверти XIX века, М., 1963, стр. 439—443.

¹¹ М. В. Кукушкина. Движение помещичьих крестьян в 1856—1860 гг. «Исторические записки», т. 68, стр. 122.

обнаружено 342 случая злоупотребления помещичьей властью¹². Ясно, что следует учитывать в каждом ведомстве сведения только о тех жалобах, которые были ему адресованы. Неправомерен подсчет М. В. Кукушкиной еще и потому, что среди жалобщиков, особенно индивидуальных, обычно подавляющее количество «отыскивает свободу». Между тем этой категории просителей не только не было никакого запрета подавать прошения, но по закону от 19 января 1816 г. администрация обязана была рассматривать дела по таким прошениям вне очереди¹³.

Приходится принимать во внимание и то обстоятельство, что в первой половине XIX в. в некоторых местностях бывшей Российской империи подача прошений была основной формой антифеодального протеста крестьян, например, в Армении¹⁴.

Нужно учитывать все вышесказанное для правильной оценки роли подачи жалоб и прошений в общей антикрепостнической борьбе крестьянства в первой половине XIX в. и значения самих этих документов как исторического источника.

В связи с подготовкой к изданию серии документальных сборников «Крестьянское движение в России в XIX в.» выявлены в фондах органов высшей государственной власти и центральных учреждений ЦГИА СССР сотни коллективных крестьянских жалоб и прошений первой половины XIX в. Эти жалобы и прошения, а также делопроизводства по ним, хранятся в фонде Собственной е. и. в. канцелярии, куда они поступали на имя царя (в Комиссии по принятии прошений, на «высочайшее имя приносимых», дела за первую половину XIX в. не сохранились), и в фондах министерств внутренних дел, юстиции и финансов.

Требования крестьян о пересмотре или ускорении решений по ранее подававшимся жалобам содержатся в делах Общих собраний и отдельных департаментов Сената. Прошения государственных крестьян преимущественно сохранились в фондах Министерства государственных имуществ и Министерства финансов. Дела по жалобам удельных крестьян хранятся в фонде Департамента уделов (позднее: Главное управление уделов). Крестьянские прошения и жалобы и делопроизводства по ним, хранящиеся в различных фондах, отличаются не только по характеру самих прошений, но также и по их результативности. Так, очень часто следствием рассмотрения жалоб самим царем или его приближенными (напр., А. А. Аракчеевым, А. Х. Бенкендорфом) являлось распоряжение, применявшееся при разрешении всех жалоб подобного порядка. Жалобы крестьян, хранящиеся в V и VI (уголовных) департаментах Сената, очень ярки и описывают такие чудовищные жестокости крепостников, при обнаружении которых правительство вынуждено было в ряде случаев лишать помещиков дворянства, учреждать опеку над ними, ссылая в монастыри и т. д. Эти дела заслуживают специального изучения. В первом и во всех гражданских департаментах Сената хранится большое количество крестьянских прошений, главным образом индивидуальных, по «отысканию свободы», исключению из подушного оклада и т. д.

Наибольшего интереса заслуживают дела по прошениям и жалобам крестьян, хранящиеся в фонде Департамента полиции исполнительной. Эти жалобы, адресованные царю или министру внутренних дел, обычно содержат определенные требования. Изучение всего дела по жалобе дает более или менее полное представление о значении жалобы в общем ходе волнения.

¹² Д. Л. Мордовцев. Указ. соч., стр. 313.

¹³ I ПСЗ, т. XXXIII, № 26081.

¹⁴ «Материалы по истории армянского народа». Кн. I. Крестьянское движение в Армении в XIX в., Ереван, 1948.

Из выявленного нами множества крестьянских коллективных жалоб и прошений, присланных или врученных царю и высшим должностным лицам, около ста включено в документальные сборники «Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.» и «Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.». Хотя сведения, содержащиеся в сборниках, не исчерпывающие, все же весьма показательно сравнение количества крестьянских выступлений с числом крестьянских прошений и жалоб за определенный отрезок времени. Так, в хронике к сборнику документов за 1796—1825 гг. насчитывается всего около 1300 крестьянских выступлений, из них свыше 400 падает на подачу коллективных прошений (подсчет довольно приблизителен, ибо прошения, поданные во время волнения, специально в хронике не оговаривались). Сравнение подтверждает высказанную в литературе мысль о том, что в годы подъема крестьянского движения усиливается и поток жалоб и прошений. Так, наибольшее количество прошений и жалоб отмечается в 1797 г.—58 жалоб и прошений и 119 других выступлений, в 1818—1819 гг.—90 жалоб и прошений и 79 крестьянских выступлений¹⁵. Из 1900 зарегистрированных в хронике сборника «Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.» крестьянских выступлений около 500 приходится на подачу прошений. По данным этой хроники в период 1826—1849 гг. наблюдается такое же явление, как и в предыдущей четверти века,—в годы подъема крестьянского движения увеличивается и приток жалоб. Так, в 1826 г. из общего количества зарегистрированных в хронике 178 крестьянских выступлений 60 падает на подачу прошений¹⁶. В первой четверти XIX в. из 400 крестьянских прошений и жалоб царю и в высшие инстанции свыше 250 подано помещичьими крестьянами. Из них более 200 — на жестокое обращение и притеснения помещиков, вотчинной администрации и местных властей. Крестьяне жаловались на принуждение работать на фабриках, просили защиты от злоупотреблений при проведении рекрутских наборов и уменьшения барщины, оброка и повинностей. В 38 случаях крестьяне просили об освобождении их от власти помещика и передаче в казенное или удельное ведомство. Беспорно представляют особый интерес прошения помещичьих крестьян о запрещении продажи их в одиночку (2), об освобождении из тюрьмы поверенных (3), о возвращении усадеб и наделов, захваченных помещиками (3). Во второй четверти XIX в. также наиболее многочисленной остается группа прошений помещичьих крестьян — их свыше 200; из них около 150 содержит просьбы и требования защиты от притеснений и жестокого обращения со стороны помещиков, вотчинной администрации и местных властей; значительно повышается количество прошений об освобождении из крепостного состояния (вместо 38 в первой четверти 60 — во второй).

Жалобы крестьян как форма антикрепостнической борьбы нередко входят составной частью в длительный процесс крестьянского волнения. Эти жалобы предшествовали в ряде случаев другим формам крестьянского протеста — отказу от работ, уплаты оброка, несения повинностей, признания за помещиком владельческих прав и т. п., а также более крайним формам выражения этого протеста — вооруженному сопротивлению войскам и земской полиции, убийству помещика, сопротивлению местным властям и вотчинной администрации. Жалобы подавались в разгар крестьянских волнений, а нередко и заключали их (например, жалобы на неправильные действия местных властей при наказании крестьян, на жестокость войск и т. п.). В ряде случаев жалобы одних и тех же крестьян поступали в разные инстанции в течение

¹⁵ «Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.», М., 1961, стр. 18—19.

¹⁶ «Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.», М., 1961, приложения, таблицы.

длительного времени. Примечательно упорство крестьян Кошелевского староства в Могилевской губ., которые в течение 1807—1808 гг. направили ряд жалоб в казенную палату, затем губернатору, и, наконец, царю на притеснения местными властями. Прибывшая в староство военная команда не сломила волю кошелевцев. Они разбежались в леса и оттуда направляли своих ходоков для принесения прошений в различные инстанции, не поддаваясь при этом никаким уговорам. Кошелевцы заявили, что «согласны прежде быть расстрелянными, нежели принадлежать арендатору».

Основной формой антикрепостнического протеста против усилившейся эксплуатации и произвола местной администрации тысяч крестьян Буреского приказа удельного ведомства в 1816 г. также была подача жалоб и прошений. Особо велика была их роль в полувековой борьбе крестьян Динабургского староства против своих арендаторов графов Платеров (с момента передачи староства Платерам в 1772 г. впотомственную аренду и до 1828 г.—перевода динабуржцев, в виде наказания, в военное ведомство). В течение всего этого времени динабуржцы непрерывно направляли во все инстанции многочисленные жалобы и прошения.

Наиболее острый период борьбы этих крестьян—1817—1824 гг.—сопровождался буквально лавиной жалоб и прошений губернским властям, в министерства, в Сенат, А. А. Аракчееву и Александру I. Так, в августе 1817 г. крестьяне обратились к царю с просьбой защитить их от притеснений арендатора. В этом прошении крестьяне писали, что они «не переставая утруждать от своей обиды начальство, которая продолжается уже более 30 лет, но защиты и поныне не получили». Следует заметить, что упомянутое прошение было продолжением выступления динабуржцев 19 апреля того же года, когда, по сообщению губернатора, крестьяне, «возомнив, что они не должны отбывать никаких работ в господских дворах, как предписала Витебская казенная палата, но те, какие они сами собою предположили, оказали непослушание при объявлении положения казенной палаты и не дали подписки». Динабуржцы осмелились даже в 1819 г., при проезде Александра I через староство по дороге в Варшаву, обратиться к царю с устной жалобой на незаконное длительное арендование графами Платерами староства и на разорение их арендаторами, упомянув при этом, что за период более 35-летнего владения староством Платерами они, крестьяне, понесли более 8 млн руб. убытку.

С подачи же прошения Александру I началось волнение крестьян Н. П. Касаткиной-Ростовской в 1816—1817 гг. в Коротоякском уезде Воронежской губ. Крестьяне этой помещицы жаловались на произвол и разорение их ее отцом и просили перевода в казенное ведомство. Несмотря на вмешательство военной команды, крестьяне упорно продолжали отказываться признавать за Касаткиной-Ростовской владельческие права и жаловались во все инстанции на эту несправедливость и жестокое обращение. Настойчивость крестьян вынудила Министерство внутренних дел предписать местным властям произвести расследование их жалоб, результатом которого было строгое предписание властей администрации имения «употреблять» крестьян в работы не более трех дней в неделю¹⁷.

Одним из самых ярких выступлений помещичьих крестьян в первой четверти XIX в. является известное по статье и публикации Н. К. Пиксанова, работам И. И. Игнатович и др. волнение крестьян в костромском имении матери А. С. Грибоедова Н. Ф. Грибоедовой. Борьба этих крестьян началась также с подачи прошения. Волнение возникло, как

¹⁷ «Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.», стр. 107—109, 215—219, 380—387, 411—437, 439—444, 781, 782, 789, 792, 795.

заметил И. Д. Якушкин, в связи с тем, что крестьяне были выведены из терпения чрезмерными поборами и жестокостью управляющего¹⁸. В продолжение всего волнения, крестьяне, несмотря на приход военных сил и артиллерии, не унимались и продолжали подавать прошения в многочисленные инстанции, вынудив, наконец, Н. Ф. Грибоедову продать свое имение соседней помещице, которую они пожелали иметь своей владелицей¹⁹. Подача прошений в различные инстанции занимает весьма значительное место и в ходе ряда других крестьянских волнений: в 1817—1822 гг. в имении Ф. С. Кашталинского в Порховском у. Псковской губ., в 1818—1823 гг. в имении М. Ф. Воронца в Мосальском у. Калужской губ., в 1826 г. в имении А. И. Ноинского в Порховском у. Псковской губ.²⁰.

В ряде же случаев подача жалоб и прошений была единственной формой крестьянской борьбы. Таким способом боролись против произвола и жестокостей их владельца в 1797 г. крестьяне Н. В. Соляникова в Александровской округе Владимирской губ., которые после тщетных попыток добиться защиты у местных властей обратились с прошением к Павлу I. Крестьяне писали: «Мы, бедные люди, живучи за ним, помираем без пищи голодную смертью и просили господина своего, чтоб нам дозволил идти с просьбою к в. и. в., на что он, господин, нам идти дозволил, а после учинил в городе просьбу, якобы мы бунтовщики и ослушники». Далее крестьяне жаловались на то, что помещик некоторых из них «перебрил, и ныне стоит команда солдат», т. е. в указанном случае с жалобщиками расправились, как с бунтовщиками, хотя они других видов протеста не проявляли. Более того, Павел I, рассмотрев это и несколько ему подобных прошений, распорядился «внушать им (крестьянам.—Э. П.) дерзость поступка их противу помещиков своих, коим они прежде были послушны и таковыми быть должны, представлять им жестокость справедливого наказания по законам».

Только подачей жалоб в 1818 г. Александру I был также выражен протест крестьян мелкопоместной помещицы Е. Е. Здраевской в Московской губ. Крестьяне пожаловались царю на захват помещицей их наделов (15 дес. земли на 18 ревизских душ!). Здраевская продала имение другой помещице, Засецкой. Но и после перемены владелицы крестьяне ждали разрешения своего вопроса и не успокаивались. За подачу жалоб царю и «ослушание» владелиц имения несколько крестьян после жестокого наказания были сосланы на каторгу.

Настоящей открытой демонстрацией протеста является приход 100 крестьян помещицы А. Наумовой Ставропольского уезда Симбирской губ. в 1818 г. в губернский город для принесения устной жалобы губернатору на жестокости, чинимые управляющим имением. Толпа крестьян привела с собой двух односельчан, «в цепях заклепанных с тяжелыми деревянными стульями, из коих одному была надета на шею железная клеть в 18 фунтов». Описывая это событие, губернатор доносил министру внутренних дел, что крестьяне вместе с «орудиями жестокости» прошли в пути через многие селения, а в городе собрали возле губернаторского дома большое количество «зрителей». Напуганный впечатлением, произведенным демонстрацией, симбирский губернатор принял ряд чрезвычайных мер по предупреждению распространения волнения на соседние имения и предписал всем земским судам и исправникам в губернии, чтобы они следили за происходящим в име-

¹⁸ Н. К. Пиксанов. Грибоедов. Исследования и характеристика, Л., 1934; И. Игнатович. Крестьянские волнения в первой половине XIX в. «Вопросы истории», 1950, № 9; И. Д. Якушкин. Записки, М., 1951, стр. 19.

¹⁹ «Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.», стр. 473—493.

²⁰ Там же, стр. 522—554, 616—627.; «Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.», стр. 81—82.

ниях. Орудия же истязаний крестьян Наумовой были брошены в Волгу. Много лет боролись за перевод в казенное ведомство крестьяне помещиков Кафтыревых Любимского уезда Ярославской губ. В наиболее острый период борьбы — 1819—1822 — крестьяне выражали свой протест подачей жалоб и прошений в различные инстанции на разорение их и жестокое обращение с ними владельцев имения. Борьба их оказалась успешной — крестьяне Кафтыревых добились составления нового Положения по управлению имением, в котором повинности просителей были значительно облегчены²¹.

Все авторы, касавшиеся в своих работах в той или иной степени вопроса о характере крестьянских прошений первой половины XIX в., совершенно справедливо расценивают подачу крестьянами прошений царю как свидетельство их монархических иллюзий. Однако следует иметь в виду, что крестьяне, как правило, вначале жаловались во всякие иные инстанции. И только после тщетных попыток добиться чего-либо помимо царя (так как они знали о грозившей им каре за подачу прошения на «высочайшее» имя) обращались уже к нему. Об этом свидетельствуют сами крестьяне. Например, в 1826 г. крестьяне В. П. Разумовской в Лукояновском уезде Нижегородской губ. писали Николаю I, что они осмеливались приносить жалобы на управляющего имением сперва в Лукояновский земский суд, предводителю дворянства, уездному стряпчему и губернатору. Только после ввода в имение военной команды и только после того, когда крестьянам «пресекали во все стороны где-либо принести жалобу и по оному получить защиту и покровительство», они обратился к царю²².

Жалобы крестьян — источник для изучения роста их классового самосознания. На мирских сходах выносились решения о подаче жалоб на помещиков и выбирались лица, которым сход доверял это сделать. Иногда эти сходы происходили тайно. Нередки случаи, когда сами крестьяне пишут в своих прошениях о том, что представитель их подает прошение или жалобу по общему согласию. Подаче жалоб обычно предшествовали сговор, сбор денег на посылку ходоков, договаривались (иногда тайно), как поддерживать связь, и т. д. В ряде случаев вместо прошений подавался самый мирской приговор (чаще в казенной и удельной деревне), содержащий обычно подробное описание положения крестьян, а также их требования и просьбы.

Итак, изложенное подтверждает, что запрещенная законом подача коллективных жалоб и прошений, особенно по предварительному сговору, на имя царя является — наравне с отказом отбывать барщину, платить оброк, выполнять различные повинности, с сопротивлением местным властям, полиции и войскам — важнейшей составной частью общей антикрепостнической борьбы крестьян всех категорий первой половины XIX в.

Рассмотрим особенности жалоб и прошений как исторического источника.

Прежде всего следует отметить высокую степень достоверности сообщаемых в жалобе фактов, так как крестьяне, составляя прошение или жалобу, знали о тех карах, которые их ожидали в случае неподтверждения правильности жалоб. Прощения сочинялись или самими участниками событий или с их слов, главным образом лицами, сочувствующими просителям, — дворовыми, отставными солдатами, мелкими чиновниками и т. д. Отметим, например, составление прошения в 1818 г. для крестьян помещика Гарденина слободы Пироговки Бирюченского у. Воронежской губ. вольной хлебопашницей Натальей Орловой²³.

²¹ «Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.», стр. 79, 627—628, 630—637, 688—694, 774.

²² «Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.», стр. 57—58.

²³ «Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.», стр. 568—569.

Рассматривая выше подачу крестьянами жалоб и прошений в разные инстанции как формы антикрепостнического протеста, мы тем самым, естественно, пытались показать, каким важным источником для изучения крестьянской борьбы первой половины XIX в. являются сами жалобы и прошения.

Однако эти документы служат не менее важным источником для изучения экономического положения крестьян — характера эксплуатации в помещичьих имениях, разных систем ведения хозяйства, размеров земельных наделов и угодий, наличия скота и инвентаря, количества тягол, доходности имений и т. д. При изучении положения крестьян эти документы подкупают прежде всего тем, что они фиксируют подлинную картину эксплуатации крестьян в имении, а не ту, которая рисуется по нормативным документам — положениям, инструкциям, инвентарям и т. п. К тому же следует учесть, что, если по крупным имениям, где были вотчинные конторы, сохранились многочисленные хозяйственные документы, то для хозяйств средних и мелких владельцев в ряде случаев прошения являются почти единственным источником, содержащим сведения о системе эксплуатации крестьян в том или ином имении. Сведения эти иногда довольно подробны.

Приведем только один пример: крестьяне Н. Ф. Грибоедовой в прошении Александру I в 1817 г. подробно описали свое положение, указав не только точный размер своих повинностей, но и для доказательства их непомерной тяжести сообщили и размеры повинностей крестьян соседних имений²⁴.

Из 100 включенных в упомянутые сборники крестьянских прошений примерно 80 содержат сведения о положении крестьян и системе их эксплуатации.

Крестьянские прошения являются богатейшим источником для изучения коррупции государственного аппарата этого времени, в первую очередь на местах, а также для изучения влияния крестьянских жалоб и просьб на правительственную политику.

Обращения к крестьянским прошениям и жалобам дают возможность ознакомиться с ярким народным языком в разных местностях России.

Таким образом, крестьянские прошения и жалобы являются перво-степенным по достоверности и яркости источником для изучения истории крестьянства первой половины XIX в. и свидетельством антикрепостнического протеста.

---

²⁴ Там же, стр. 473—474, 477—478.